

Научная статья

УДК 811.161.1'373.22

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-76-88

СТИХИЙНАЯ ЛЕКСИКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВАКХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Димитриева Ольга Альбертовна

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
Чебоксары, Россия,

olgaal_79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена его вхождением в круг лингвокультурологических и семантических изысканий, в рамках которых выявляются культурные коды, репрезентирующие тот или иной аспект бытия человека в мире художественного произведения. Цель исследования состоит в изучении функционирования лексики с семантикой природно-климатических явлений (так называемой стихийной лексики) в двух аспектах: во-первых, как способа репрезентации вакхического состояния (на примере употребления лексем *туман*, *молния*, *черная дыра* и т. п.); во-вторых, как способа описания эмоциональных переживаний героя, в которых стихийная лексика взаимодействует с вакхической. Основными методами исследования являются семантический и лингвостилистический анализ языковых единиц, используются также статистические данные Национального корпуса русского языка. Материалом для исследования послужила выборка примеров, извлеченных из текстов русской художественной литературы, в которых содержится лексика с семантикой природно-климатических явлений. Новизна материала видится в том, что ситуация винопития ранее не рассматривалась с точки зрения проявления в ней семантики природно-метеорологического кода культуры, в то же время и природно-климатические явления не изучались с точки зрения проявления в них вакхического кода культуры. В результате исследования автор приходит к выводам о том, что такие явления, как *туман*, *шторм*, *ветер*, *молния*, *черная дыра*, используются при описании алкогольного состояния человека и затрагивают его эмоционально-интеллектуальные и физиологические изменения. Отмечается, что семантика вакхического кода может проявляться для экспликации стихийных сил природы, их очеловечивания и уподобления человеческому поведению. Показана также амбивалентность оценки описываемой лексики в мире художественного произведения.

Ключевые слова: лексика с семантикой природно-климатических явлений, метафора, вакхическое состояние, природно-метеорологический код культуры, вакхический код культуры.

Для цитирования: Димитриева, О. А. (2025). Стихийная лексика в интерпретации вакхического состояния в художественном тексте. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 76–88. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-76-88>

© Димитриева О. А., 2025

Original article

UDC 811.161.1'373.22

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-76-88

**THE NATURAL ELEMENT VOCABULARY
IN THE INTERPRETATION OF THE BACCHANALIAN
STATE IN A LITERARY TEXT****Olga A. Dimitrieva**I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University,
Cheboksary, Russia,olgaal_79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

Abstract. The relevance of the research is due to its entry into the circle of linguistic, cultural and semantic research, which identifies cultural codes that represent one or another aspect of human existence in the world of an artistic work. The purpose of the study is to study the functioning of vocabulary with the semantics of natural and climatic phenomena (the so-called natural element vocabulary) in two aspects: firstly, as a way of representing the Bacchanalian state (using the example of the use of the lexemes *fog*, *lightning*, *black hole*, etc.); secondly, as a way of describing the emotional experiences of the hero, in which natural element vocabulary interacts with Bacchanalian. The main research methods are semantic and linguistic stylistic analysis of linguistic units. The material for the study was a selection of examples extracted from texts of Russian fiction, which contain vocabulary with the semantics of natural and climatic phenomena. The novelty of the material is seen in the fact that the situation of wine drinking has not previously been considered from the point of view of the manifestation of the semantics of the natural meteorological code of culture in it, at the same time, natural and climatic phenomena have not been studied from the point of view of the manifestation of the Bacchanalian code of culture in them. As a result of the research, the author comes to the conclusion that phenomena such as *fog*, *storm*, *wind*, *lightning*, *black hole* are used in describing a person's alcoholic state and affect his emotional, intellectual and physiological changes. It is noted that the semantics of the Bacchanalian code can be manifested to explicate the natural forces of nature, humanize them and liken them to human behavior. The ambivalence of the evaluation of the described vocabulary in the world of an artistic work is also shown.

Keywords: vocabulary with semantics of natural and climatic phenomena, metaphor, bacchanalian state, natural and meteorological code of culture, Bacchic code of culture.

For citation: Dimitrieva, O. A. (2025). The natural element vocabulary in the interpretation of the bacchanalian state in a literary text. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 76–88. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-76-88>

Введение

Человек представляется в различных ипостасях: как сосуд, наполненный эмоциями; как механизм, детали которого двигаются и выполняют функции; как часть природного мира, макрокосма, организованная по образу и подобию устройства внешнего мира. При образном

осмыслении человека подключаются растительный, анималистический, пищевой, артефактный и другие коды культуры.

Методология исследования

Небо, небесные светила и природно-климатические явления (метеорология), интерпретируемые как носители культурно маркированной информации — символы, стереотипы и метафоры, — описываются в рамках кода культуры, получившего разные терминологические номинации: предметный (базовый) код (Красных, 2003, с. 305), стихийный (Маслова, Пименова, 2016, с. 78–82), природный (природно-метеорологический (Леонтьева, 2008, с. 162–172), природно-ландшафтный (Большой фразеологический словарь, 2009).

Ход исследования

В. В. Красных, очерчивая границы «окультуренного человеком» пространства, выделяет следующие компоненты модели мира: во-первых, это «*внутренний мир* человека, то, что находится внутри самого человека и ограничивается телесными границами»; во-вторых, *внешний мир* человека, включающий в себя две зоны — *личную зону* (то, что входит в личное пространство) и *ближайшее окружение* (то, что выходит за пределы личной зоны, но осознается как «свое»); в-третьих, *внешний*, мало связанный с человеком, «*чужой*» фрагмент внешнего мира (Красных, 2003, с. 300). Все эти составляющие репрезентированы шестью базовыми, по В. В. Красных, кодами культуры: телесным (самым древним), пространственным, временным, предметным, биоморфным, духовным, — между которыми нет четких, непересекающихся границ. Интересным представляется пересечение вакхического и природно-метеорологического кодов культуры при описании внутренней, личной и внешней пространственных зон. Ситуация винопития становится как областью-донором для отображения различных сфер, так и областью-реципиентом, вбирающей в себя разные грани воссоздаваемого образа.

Предметом нашего рассмотрения является употребление лексики, обозначающей природные/стихийные явления (так называемый природно-метеорологический код), при осмыслении ситуации винопития и, наоборот, репрезентация природно-стихийных явлений, в которых используется вакхический код культуры.

Слово со стихийной семантикой как репрезентант вакхического состояния. Осмысление состояния опьянения человека часто реализуется посредством различных образов. Одно из самых повторяющихся метеорологических явлений, которое вербализует состояние опьянения, — это *туман*. В «Толковом словаре русского языка» (ТСРЯ) под ред. Д. Н. Ушакова (1) и «Малом академическом словаре» (МАС) приводятся следующие дефиниции лексемы *туман* (2):

(1) «1. Непрозрачное состояние воздуха в нижних слоях атмосферы вследствие скопления в нем водяных паров. <...>2. *перен.* Употр. как символ неясного, запутанного, непонятного. *Т. в голове* (трудно разобраться в чем-н.). <...> *Т. в глазах* <...>» (ТСРЯ, 1940, 4, с. 825–826).

(2) «1. Скопление мелких водяных капелек или ледяных кристаллов в приземных слоях атмосферы, делающее воздух непрозрачным. <...> 2. *перен.*, *обычно чего* или *какой*. То, что мешает ясно видеть, застилает глаза. <...> || То, что мешает ясно воспринимать, понимать окружающее, затемняет сознание. <...> 3. *перен.*; *обычно чего* или *какой*. <...> для обозначения неясности, неопределенности, непонятности <...>» (МАС, 1999, 4, с. 425).

Из словарного определения лексемы *туман* выделим следующие существенные компоненты значения, задействованные в переносном, репрезентирующем ментальное состояние человека: ‘скопление водяных паров’, ‘неясное, неопределенное восприятие’, ‘способность затемнять сознание’, ‘отсутствие визуальной ясности (которая порождает, в свою очередь, ментальную ограниченность)’.

Согласно данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (функции «Портрет слова»), в сочетаемости лексемы *туман* с глаголами, легко организующимися в антонимические пары, следует отметить, что это, как правило, глаголы с семантикой возникновения природного явления и его исчезновения (*заволакивать(ся)*, *нагнать*, *исчезать*, *тонуть* — *рассеять*, *растаять*, *разогнать*), видимости и ее отсутствия (*виднеться*, *проступить*, *выплыть*, *вырисовываться* — *теряться*, *подернуться*, *заволочь* (*заволакиваться*)); используются глаголы движения, связанные с погружением в жидкость (*выплывать* (*выплыть*), *тонуть*), с семантикой превращения в жидкое состояние (*растаять*), укрытия (*окутать(ся)*, *застилать(ся)*) и др. (подробнее см. таблицу¹).

Таблица / Table

Сочетаемость лексемы *туман* с частотными глаголами согласно НКРЯ

The compatibility of the word *fog* with frequent verbs based on data from the National Corpus of the Russian language

Глаголы с прямым дополнением		Глаголы с косвенным дополнением		Глаголы с предложным дополнением	
напускать	10,34*	заволочь	10,02	тонуть	7,99
напустить	10,29	заволакиваться	9,98	выплывать	7,71
рассеять	9,01	подернуться	9,85	теряться	7,64
разогнать	8,6	заволакивать	9,76	виднеться	7,16
рассеивать	8,23	застилать	9,66	расплываться	7,11
развеять	7,43	окутать	9,33	растаять	7,09
проникать	7,38	окутывать	9,16	выплыть	7,05
нагонять	7,38	заволочься	8,73	проступить	7
прорезать	7,37	окутаться	8,64	исчезать	6,99
нагнать	7,08	застилаться	8,42	вырисовываться	6,96

Примечание: * — для ранжирования коллокатов используется метрика LogDice.

¹ Данные приведены из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

«Туман» как результат состояния опьянения вербализуется следующими выражениями: «(ощущать) туман в голове» / «качается туман в головах», «отуманить (вином)», «затуманиться», «пьяный туман», «голова туманится», — и описывает непосредственно состояние субъекта в ситуации винопития, причем локализацией метеорологического явления становится голова. ‘Водяные пары’, обозначенные в структуре лексического значения, преобразуются в ‘винные’, в некоторых контекстах возможна сочетаемость с существительными, называющими сорт вина (например, *пары шампанского*):

(1) «...он [Павлин] и не подозревал, что <...> в те часы, когда он пробуждается <...> нежная Люба, с головкою, **отуманенною парами шампанского**, спускается неверными шагами с лестниц французского ресторана» (Н. С. Лесков. Павлин) (Лесков, 1957, т. 5, с. 257).

Голова становится «эпицентром» возникновения и распространения тумана и связывается не только с алкогольным опьянением, но и с проявлением разноплановых эмоций (как положительных — *любовь* (см.: пример 3), так и негативных — *бешенство*, *скука* (см.: примеры 2–3):

(2) «**Из отуманенной бешенством** и, может быть, отчасти **вином головы** Фебуфиса выскочил сразу весь план его мирных и благородных действий» (Н. С. Лесков. Чертовы куклы) (Лесков, 1958, т. 8, с. 561);

(3) «...Бессонов, проезжая ночью на лихаче, по дороге на острова, <...> подумал, что лихач, и нити фонарей, и весь за спиной его спящий Петербург — лишь мечта, бред, возникший **в его голове, отуманенной вином, любовью и скукой**» (А. Н. Толстой. Хождение по мукам) (Толстой, 2005, с. 7–8).

Вместе с алкогольными напитками в одном ряду упоминаются сильные эмоциональные проявления и чувства с противоположной оценкой (*бешенство*, *скука* — *любовь*), способные изменять состояние субъекта. В приведенных фрагментах используется глагол *отуманить* в форме страдательного причастия прошедшего времени; лексика с семантикой спиртного, эмоциональных проявлений и чувств становится в позицию творительного агенса, что позволяет отделить человека от испытываемых им эмоций, изобразить его пассивность и отсутствие контроля.

В отдельных высказываниях допускается отсутствие агенса, который, как правило, легко извлекается из предыдущего контекста, и слово *голова* заменяется на лексемы, значение которых подчеркивает способность осознавать или мыслить — «сознание»/«мозги»:

(4) «Он [Коврин] с наслаждением **выпил несколько рюмок лафита**, потом укрылся с головой; **сознание его затуманилось**, и он уснул» (А. П. Чехов. Черный монах) (Чехов, 2021, с. 197).

(5) «**В голове его [князя Егорушки] слегка шумело**, а в области желудка чувствовалась приятная сытость. Он только что пообедал, **выпил бутылку красного** и теперь, **куря трехкопеечную сигарку, кейфствовал**. Самые

разнокалиберные чувства и помыслы копошились в его отуманенных мозгах и ноющей душонке» (А. П. Чехов. Цветы запоздалые) (Чехов, 2020, с. 129).

В последнем фрагменте (пример 5) эксплицируется пересечение двух взглядов, а следовательно, двух фокусов оценки — героя и автора. С одной стороны, описываются чувства князя Егорушки, его рефлексия об ощущениях в теле (*в голове, желудке*): оценочное прилагательное *приятный* затрагивает эмоциональную сферу самого героя. С другой стороны, негативная оценка описываемого состояния и в целом образа жизни героя, выражаемая в словосочетаниях *ноющая душонка, отуманенные мозги*, позволяет говорить о смене ракурса, появлении иной точки зрения, переходящей с героя на всеведующего автора.

Вакхическое состояние, достижение состояния опьянения может быть представлено как желаемое и оцениваться положительно, как правило, героем:

(6) *«...Мезерницкий <...> как-то странно пьянел: как будто его обволакивало теплое, чуть туманное облако — оно глушило любые звуки, и каждое слово давалось ему с некоторым трудом»* (З. Прилепин. Обитель) (Прилепин, 2021, с. 316).

В примере 6 автор использует развернутое сравнение, включающее обозначенные ранее — в лексическом значении и НКРЯ — свойства тумана. Туман теряет бесформенность, приобретает очертания (*туманное облако*), способность укрывать (*обволакивало*) и сенсорные оценки-характеристики: температурные (*теплое*), аудиальные (*глушит звуки*), речевые (*слово давалось с трудом*).

Туман как природное явление становится активным, способным изменять видение субъекта, влиять на его восприятие окружающей и воображаемой действительности:

(7) *«На белизне скатерти свежие букеты тепличных роз, три бутылки водки и германские узкие бутылки белых вин. <...> Качается туман в головах, то в сторону несет на золотой остров беспричинной радости, то бросает в мутный вал тревоги. Глядят в тумане развязные слова: Голым профилем на ежа не сядешь! <...> Водка, водка и туман»* (М. А. Булгаков. Белая гвардия) (Булгаков, 1990, с. 50).

Глаголы движения *качается, несет, бросает*, обозначающие активные действия, репрезентируют эмоциональные состояния и чувства с противоположными знаками: радость (*золотой остров*) — отчаяние (*мутный вал тревоги*). Слова приобретают «телесность» и способность видеть: *глядят в тумане слова*. Однородный ряд номинативного предложения (*Водка, водка и туман*) имеет обуславливающий характер: стихия предопределена спиртным (*водка, водка*). Возникает еще один стихийный метафорический образ переживаемых эмоций — *вал* («высокая волна») (МАС, 1999, т. 1, с. 134): туман, «покрывающий» сознание, связывается с водной стихией.

Как уже отмечалось ранее, *пары* являются частным проявлением тумана, способом их «удаления» становится воздушная стихия — ветер, вербализованный в глаголах *выветриться, проветрить*:

(8) «*Дак ведь то в ресторане мы сидели, без паров в голове, а как прореагируют, когда мы середка ночи к этим самым артисточкам закатимся? <...> У Евдокима Поликарповича <...> еще вчерашние пары из головы не выветрились»* (Ф. Абрамов. Братья и сестры) (Абрамов, 1987, с. 181–182).

(9) «*Он был словно в похмелье, невыветрившемся и еще дурманящем голову, — когда еще не очнулся настолько, чтобы вспомнить, что было вчера»* (З. Прилепин. Обитель) (Прилепин, 2021, с. 501).

(10) «*Мы <...> собрались и отправились смотреть город, проветривать головы — его, недавно снятую с верхней полки купейного вагона, и мою, получившую семидесятиградусный ожог»* (З. Прилепин. Герой рок-н-ролла) (Прилепин, 2023, с. 309).

Следует также обратить внимание на такой компонент значения лексемы *туман*, как ‘способность (быстро) исчезать’, который используется в составе сравнительного оборота *как туман; испариться*, причем в последнем случае органом, через который осуществляется испарение, становятся глаза:

(11) «*Утром белоголовый, с испарившейся из глаз хреновухой, уверял...*» (З. Прилепин. Ботинки, полные горячей водкой) (Прилепин, 2023, с. 341).

(12) «*В двух-трех комнатках сидели <...> офицеры. <...> Пьяный чад унесся, как туман, не оставив и следа...*» (Н. С. Лесков. Интересные мужчины) (Лесков, 1958, т. 8, с. 86).

Наряду с приведенными высказываниями, в которых в большей степени туман связывается с ментальным и эмоциональным состояниями, встречается контекст, в котором данное природное явление характеризует образ жизни героя в целом, его постоянное времяпрепровождение:

(13) «*...Ганувер умирает. Он окружил свой конец пьяным туманом, ночной жизнью»* (А. С. Грин. Золотая цепь) (Грин, 1986, с. 345).

Итак, выражения (*ощущать*) *туман в голове / качается туман в головах, туманить (вином), затуманиться, пьяный туман, голова туманится* и т. п. экплицируют прежде всего ментальное состояние нетрезвого человека. Подчеркивается неясность восприятия, присутствие (винных) паров, средством изменения состояния на противоположное является воздушная природная стихия — *ветер* (глаголы *выветриться, испариться*). Следует отметить, что характеристика вакхического состояния приводится в комплексе с эмоциональным: *туман* в большей степени становится репрезентантом не столько интеллектуальных способностей, сколько эмоций.

Заслуживают внимания и номинации других природных явлений, задействованных в описании внутренних изменений человека. Это такие природно-метеорологические и астрономические феномены, как *молния, шторм и черная дыра*, возникающие в текстах XX–XXI веков:

(14) «*...ему [Степе Лиходееву] казалось, что он не может открыть глаз, потому что, если он только это сделает, сверкнет молния и голову его тут же разнесет на куски»* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита) (Булгаков, 1988, с. 77).

(15) «...Кеша <...> налил темную жидкость в пинтовую колбу классической формы. Ухаживая за первой колбой, он совсем ни о чем не думал. Он как бы заколачивал черную сосущую дыру в солнечном сплетении» (В. О. Пелевин. Любовь к трем цукербринам) (Пелевин, 2016, с. 114).

В отличие от предыдущих примеров, во фрагментах 14–15 описывается не состояние опьянения и сопутствующие ему перцептивные изменения, а самочувствие героя после праздника. Смена одного метеорологического явления (тумана) другим (в примере 14 *молния* — «электрический искровой разряд атмосферного электричества» (МАС, 1999, т. 2, 290); в примере 15 *черная дыра* — «астрон. область в пространстве, <...> в которой гравитационное притяжение так велико, что ни вещество, ни свет, ни другие носители информации не могут ее покинуть» (Мостицкий, URL)) маркирует негативные физиологические последствия. В последнем фрагменте накладываются друг на друга две метафорические модели: представление о человеке как о космическом пространстве (*черная сосущая дыра*) и об организме человека как о механизме/артефакте (глагол со значением активного физического воздействия *заколачивать* отображает проводимые героем «ремонтные работы» в организме).

Поведение вакхического человека, в частности его движения, осмысливаются с помощью иного погодного явления — *шторма*. Глагол *штормить* имеет следующую словарную дефиницию: «Мор. Быть бурным, волноваться при шторме (о море). <...> безл. О шторме, штормовой погоде» (МАС, 1999, т. 4, с. 732). При описании походки добавляются характеристики, эксплицирующие образ действия, манеру (*из стороны в сторону; едва держался на ногах*) и количественные показатели (*немного*):

(16) «...двое молодых, красивых мужчин <...> вели под руки пьяного доктора Фадеева. Его *штормило из стороны в сторону; он едва держался на ногах*» (И. Быков. Разговор над покойником) (НКРЯ);

(17) «Превращение в бабочку закончилось первым в жизни похмельем. *Штормило*. Шуша без конца умывалась холодной водой, наконец решила *отравиться*» (Дарья Симонова. Легкие крылышки) (НКРЯ);

(18) *Христина курила <...>. Ее немного штормило, немного тошнило, немного ломило в виске, а она смотрела на тёмное небо*» (Ирина Бахтина. Зачем я тебе?) (НКРЯ).

В примерах 16–18 используется глагол *штормить* в безличном предложении. Рассуждая о сущности безличных конструкций, А. Л. Шарандин пишет о самодостаточности в них глагольного признака, который «оказывается <...> концептуально полноценным для описания, как правило, событийной, природной статальной ситуации» (Шарандин, 2021, с. 315). В таких конструкциях «действие, — отмечает Э. Н. Осипова, — происходит произвольно, не зависит от воли субъекта, действуют природные, стихийные <...> силы, состояния субъекта не осознанны, безотчетны» (Осипова, 2009, с. 86). Таким же образом осмысливается физическое состояние пьяного человека в русской картине мира:

непринадлежность самому себе и нарушение координации, выражаемые посредством употребления «стихийной» лексики (глагола *штормить*) в безличных конструкциях.

Возможно употребление развернутой метафоры, в которой непосредственно изображается морская стихия:

(19) «...к исходу дня у стены выстраивались шеренги бутылок с “Ячменным колосом” или дорогими “Хамовниками”. Это **разливанное море, чтобы не штормило**, он напоследок обязательно лакировал еще **водочкой**» (Михаил Бутов. Свобода) (НКРЯ).

Введение фразеологической единицы (*разливанное море*), ее буквализация и переход в вакхическую сферу, осуществляемый через артефактный код, — все это можно проследить в приведенном фрагменте. Расхожее выражение *море разливанное*, согласно фразеологическим словарям, изначально имеет непосредственное отношение к ситуации винопития. Приведем значение: «*Экспрес.* 1. чего. О спиртных напитках: очень много. <...> 2. Шумный пир; попойка» (Федоров, 2008, с. 379); «*Об обилии чего-л.* <...> Собственно русское выражение. Первоначально употреблялось по отношению к разлитому в бокалы вину» (Мокиенко, 2005, с. 448).

Редким исключением является следующий отрывок (пример 20), в котором для характеристики пьяного человека используется небесное светило — *солнце*:

(20) «*Забрали в солдаты Андрейку Ермолова аккурат с началом германской* <...> *Провожали до ростани во ржи, рожь стояла в голову выше головы, **пьяное солнце бурлило в хмельной голове***» (О. Копытов. Долгая дорога) (НКРЯ).

При образной номинации компоненты, характеризующие алкогольное состояние, переходят и в невакхическое изображение жизни человека:

(21) «*Много было прожито весен, но никогда с такой силой **не бродило в нем вино жизни**... Да еще в самое неподходящее и непоказанное время... **Туманилась голова** неясными предчувствиями...*» (А. Н. Толстой. Хождение по мукам) (Толстой, 2005, с. 746).

В приведенном фрагменте метафора *вино жизни* раскрывается в окружающем контексте посредством глагола *бродить* (о вине) и *туманиваться* (о ментально-эмоциональном состоянии).

Таким образом, интерпретация состояния опьянения часто осуществляется посредством природно-метеорологического кода, причем метеорологические явления осмысливаются как отдельные сущности, оказывающие активное влияние на человека, его перцептивную, интеллектуально-эмоциональную и физическую сферы.

Вакхическая сфера как источник образной номинации для стихийной лексики. Вакхическая лексика, в частности атрибутивы *пьяный, пьянящий, опьяняющий*, характеризует стихию *воздуха*, небесные светила — *луну* и *солнце* — и такие «непогодные» метеорологические явления, как *метель* и *вьюга*.

Чаще всего связь между погодным явлением и человеком не прерывается: введение вакхического кода в описание природы обусловлено восприятием человека. Во-первых, таким способом подчеркивается влияние природы на человека; во-вторых, происходит очеловечивание природы и придание ей качеств и свойств человека.

Субъектно-объектные отношения ситуации винопития переносятся на природу: валентность напитка заполняется наименованием природно-метеорологического явления или сезона года (*воздух, ветер, жара, оттепель, весна*) и новый объект принимает на себя свойства спиртного, оказывает подобное влияние на человека:

(1) *Хотелось спать, голова кружилась от пьяного воздуха* (В. Андреев. Волки); *Чистый, напоенный лесными ароматами карпатский воздух действовал на него опьяняюще* (А. Маринина. Иллюзия греха); *Тем более дачный свежий воздух действует опьяняюще* (Г. М. Артемьева. Фата на дереве); *А мы уселись и набросились на еду с яростью, понятной каждому, кто несколько часов подряд мерил ногами дорогу на опьяняюще свежем воздухе* (В. М. Санин. Мы — псковские!); *Весь день гуляет тяжелый, опьяняющий ветерок и ласково закрывает людям ресницы* (В. П. Катаев. Весенний звон); *Город молчал, <...> лишь изредка по улице тихо, нерешительно шаркали чьи-то шаги, — должно быть, проходили в поисках милостыни мужики, очумевшие от голода и опьяняющей жары* (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина); *Дни, когда на смену дряхлой зиме является молодая, свежая, как пятнадцатилетняя школьница, опьяняющая весна* (Р. Сенчин. Афинские ночи); *«Я не хотел, простите,» — и, припав к колесу, жадно кусал, схватывал, тянул ноздрями воздух, свежий, пьяный воздух марта...* (А. Иличевский. Матисс) (НКРЯ).

В приведенной группе примеров (1) используются: наречие *опьяняюще*; прилагательное *пьяный*; причастие *опьяняющий* в сочетании со словами *воздух (свежий, марта), ветерок, жара, весна*; глаголы *действовать, кружиться (о голове), очуметь*, несущие каузальную нагрузку.

Внутренний мир человека проецируется вовне, находит в окружающей природе подтверждение своим переживаниям: природа в таких ситуациях является зеркалом состояния человека. Мотив вьюги в литературе архетипически связывается с «универсалией хаоса» (Синякова 2019, с. 97), как и мотив вина, а также является «знаком возможных изменений судеб» (Нагина, 2011, с. 47). Так, луна и вьюга становятся образными параллелями для передачи мысли царевича Алексея о возможном царствовании и вызванного ею состояния:

(2) *«Сани быстро неслись по пустынному бору <...> Снег не падал сверху, а снизу клубился по ветру столбами, курился как дым. И светлая лунная вьюга играла, точно пенилась, в голубовато-мутном небе, как вино в чаше. Он [царевич Алексей] вдыхал морозный воздух с наслаждением. Ему было весело, словно в душе его тоже играла светлая вьюга, буйная, пьяная и опьяняющая»* (Д. С. Мережковский. Петр и Алексей) (Мережковский, 2004, с. 175);

(3) *Была зимняя ночь, мороз и вьюга. Он [царевич Алексей] — в одном кафтане, без шубы. На лице слезы и кровь замерзали. Вьюга выла, кружилась, точно пела и плясала, пьяная. И за освещенными окнами дома, тоже плясала и пела пьяная старая шутиха, князь-игуменья Ржевская* (Там же) (Мережковский, 2004, с. 229).

Действия, обозначаемые глаголами *играть*, *пениться*, уподобляются типичным проявлениям вина в бокале; цвет неба — *голубовато-мутный* — сравнивается с цветом материала чаши. Внутреннее эмоциональное состояние царевича Алексея также соотносится со стихией (пример 2). Если в первом отрывке вьюга сравнивается с объектом питания, то во втором фрагменте (пример 3) она становится субъектом, «арсенал» действий непогоды приравнивается к действиям пьяного человека (*шутихи, князь-игуменьи Ржевской*) — *выла, кружилась / пела, плясала*.

Некоторые контексты не передают параллели *природа vs эмоциональное состояние героя*, становятся менее эмоционально насыщенными, но в то же время ракурс осмысления ситуации дан сквозь призму ее восприятия человеком, сторонним наблюдателем:

(4) *«Я даже протолкнулся <...> к столу — Чубик там крутился, как пьяный солнцем шмель»* (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени) (НКРЯ);

(5) *«Огромная, мутно-оранжевая, <...> как пьяное солнце, как лживое солнце, смотрела она [луна] своим единственным и еще теплым глазом без зрачка...»* (Б. Ю. Поплавский. Аполлон Безобразов) (НКРЯ).

Во фрагментах 4–5 появляется сторонний взгляд, оценка извне, характеризующая человека, его поведение (4) или светило — Луну — через сравнение с солнцем.

Вакхическая сфера, будучи источником образной номинации для природно-метеорологической области, делает явления природы антропоморфными.

Выводы

Таким образом, природно-метеорологический (такие явления, как *туман, шторм, ветер, молния*), астрономический (*черная дыра*) коды используются при описании алкогольного состояния человека, затрагивают его эмоционально-интеллектуальные и физиологические изменения. Одновременно семантика вакхического кода может проявляться для экспликации стихийных сил природы, их очеловечивания и уподобления человеческому поведению.

Список источников

1. Абрамов, Ф. А. (1987). *Братья и сестры*: в 4 кн. Кн. 3–4. Советская Россия.
2. *Русская фразеология: историко-этимологический словарь* (под ред. В. М. Мокиенко). (2005). Астрель.
3. Булгаков, М. А. (1990). *Белая гвардия*. Детская литература.

4. Булгаков, М. А. (1988). *Мастер и Маргарита*. Художественная литература.
5. *Большой фразеологический словарь русского языка* (под ред. В. Н. Телия). АСТ-Пресс.
6. Грин, А. С. (1986). *Алые паруса; Блестящий мир; Золотая цепь; Рассказы*. Художественная литература.
7. Красных, В. В. (2003). «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Гнозис.
8. Лесков, Н. С. (1956–1958). *Собрание сочинений*: в 11 т. ГИХЛ.
9. Леонтьева, Т. В. (2008). *Интеллект человека в русской языковой картине мира*. Российский государственный профессионально-педагогический университет.
10. Маслова, В. А., & Пименова, М. В. (2016). *Коды лингвокультуры*. Флинта.
11. *Словарь русского языка*: в 4 т. (под ред. А. П. Евгеньевой). (1999). Т. 4. Русский язык; Полиграфресурсы.
12. Мережковский, Д. С. (2004). *Петр и Алексей*. Захаров.
13. Мостицкий, И. Л. (2005–2012). *Универсальный дополнительный практический толковый словарь*. https://mostitsky_universal.academic.ru
14. *Национальный корпус русского языка*. <https://ruscorpora.ru>
15. Нагина, К. А. (2011). «Метельный» мир в творчестве А. Блока, А. Белого, В. Брюсова на фоне литературной традиции. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*, 3, 47–55.
16. Осипова, Э. Н. (2009). *Русский синтаксис: односоставность предложения*. Поморский университет.
17. Пелевин, В. О. (2016). *Любовь к трем цукербринам*. Э.
18. Прилепин, З. (2023). *Грех. Ботинки, полные горячей водкой*. АСТ.
19. Прилепин, З. (2021). *Обитель*. АСТ.
20. Синякова, Л. Н. (2019). «Метельный» текст в прозе А. П. Чехова: поэтика и функции. *Сибирский филологический журнал*, 4, 88–100.
21. Толстой, А. Н. (2005). *Хождение по мукам*. Эксмо.
22. *Толковый словарь русского языка*: в 4 т. (под ред. Д. Н. Ушакова). (1940). Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
23. Федоров, А. И. (2008). *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Астрель, АСТ.
24. Чехов, А. П. (2021). *Дама с собачкой*. Рассказы. АСТ.
25. Чехов, А. П. (2020). *Степь*. Сборник. АСТ.
26. Шарандин, А. Л. (2021). *Морфология современного русского языка*. Флинта.

References

1. Abramov, F. A. (1987). *Brothers and sisters*: in 4 books. Books 3–4. Sovetskaya Rossiya. (In Russ.).
2. *Russian phraseology: a historical and etymological dictionary* (ed. V. M. Mokienko) (2005). Astrel. (In Russ.).
3. Bulgakov, M. A. (1990). *The White Guard*. Children's literature. (In Russ.).
4. Bulgakov, M. A. (1988). *The Master and Margarita*. Artistic literature. (In Russ.).
5. *A large phraseological dictionary of the Russian language* (edited by V. N. Telia). AST Press. (In Russ.).
6. Green, A. S. (1986). *Scarlet sails; The Shining World; The Golden Chain; Stories*. Xudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

7. Krasnykh, V. V. (2003). «*One's own*» among «*strangers*»: myth or reality? Gnosis. (In Russ.).
8. Leskov, N. S. (1956–1958). *Collected works*: in 11 vols. GIXL. (In Russ.).
9. Leontieva, T. V. (2008). *Human intelligence in the Russian language picture of the world*. Russian State Vocational Pedagogical University. (In Russ.).
10. Maslova, V. A., & Pimenova, M. V. (2016). *Codes of linguistic culture*. Flinta. (In Russ.).
11. *Russian Dictionary*: in 4 vols (edited by A. P. Evgenieva). (1999). Vol. 4. Russkij yazyk; Poligrafresursy. (In Russ.).
12. Merezhkovsky, D. S. (2004). *Peter and Alexey*. Zakharov. (In Russ.).
13. Mostytsky, I. L. (2005–2012). *A universal additional practical explanatory dictionary*. https://mostitsky_universal.academic.ru (In Russ.).
14. *The National corpus of the Russian language*. <https://ruscorpora.ru> (In Russ.).
15. Nagina, K. A. (2011). The «blizzard» world in the works of A. Blok, A. Bely, V. Bryusov against the background of literary tradition. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 3, 47–55. (In Russ.).
16. Osipova, E. N. (2009). *Russian syntax: the one-part nature of a sentence*. Pomernian University. (In Russ.).
17. Pelevin, V. O. (2016). *The love of the three Zuckerbreens*. E. (In Russ.).
18. Prilepin, Z. (2023). *Sin. Boots full of hot vodka*. AST. (In Russ.).
19. Prilepin, Z. (2021). *The monastery*. AST. (In Russ.).
20. Sinyakova, L. N. (2019). The «Blizzard» text in prose by A. P. Chekhov: poetics and functions. *Siberian Journal of Philology*, 4, 88–100. (In Russ.).
21. Tolstoy, A. N. (2005). *Walking through the torments*. Eksmo. (In Russ.).
22. *Explanatory dictionary of the Russian language*: in 4 vols (edited by D. N. Ushakov). (1940). Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostranny'x i nacional'ny'x slovaroj. (In Russ.).
23. Fedorov, A. I. (2008). *Phraseological dictionary of the Russian literary language*. Astrel, AST. (In Russ.).
24. Chekhov, A. P. (2021). *The lady with the dog: stories*. AST. (In Russ.).
25. Chekhov, A. P. (2020). *Steppe: collection*. AST. (In Russ.).
26. Sharandin, A. L. (2021). *Morphology of the modern Russian language*. Flinta. (In Russ.).

Информация об авторе

Димитриева Ольга Альбертовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.

Information about the author

Olga A. Dimitrieva — PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.